Макс Бужанский

◆

ИСТОРИЯ ДЛЯ ЛЕНИВЫХ

◆

ВЕЛИЧИЕ ДРЕВНЕГО МИРА
ТАИНСТВЕННОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
ЭПОХА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН
КАЗАЦКАЯ ЭРА
ВОКРУГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Харьков
ФОЛИО
2018

Глава 1

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Дорогому Александру Македонскому
в связи з днем народження и в память
о его замечательных рогах, которые ему
обломали где-то в степях неподалеку.

Это было так обидно!!

Он просто не мог поверить.

Он вообще не мог поверить, что в этом мире что-то способно
обидеть ЕГО!

Это было невозможно!

И было.

Эхо смеялось.

Смеялось, издевательски хохотало, прыгало давшим Птоле-
мею фамилию зайцем по мраморным стенам.

Это не эхо.

Это боги смеются.

Оба.

И Зевс, и Аммон.

Отцы, которых он сам себе выбрал, с которыми сравнялся,
смеются, хохочут, глядя, как он не в силах вытереть пот.

Пот.

Липкий, капли бегут со лба, катятся с груди, падают и тонут
в шелке простыней.

Какой он разный.

Пот попоек.

Пот охоты, борьбы, драк с друзьями.

Пот сражения, засыхающий с потеками крови.
И пот смерти.
Он умирает.
Как все.
Обидно.
Отец был прав.
Грубый мужлан, Филипп, был прав.
И он всегда это знал.
Всегда знал и всю жизнь рвался за край земли, чтобы доказать, что нет.
И они все это знали.
Нет, не его молодежь, эти такие же.
Старики знали.
Антигон, Парменион, Антипатр.
Знали и смеялись над ним, хохотали, глядя как он играет в сына Бога.
Они знали, чей он сын.
Но если бы он их слушал, они бы и сейчас считали коз в Македонии и держали греков на поводке.
А теперь считают царства и на поводке весь мир.
Детство.
Безумная мать, сумасшедшая волчица, он всегда знал, что она безумна.
Он был ее оружием.
Оружием против отца.
Филипп Македонский, царь, должен был терпеть наследника.
Цари не терпят.
Филипп не терпел.
Друзья.
Больше у него ничего не было.
Его друзья.
Птолемей, Неарх, Гефестион.
Они были с ним, и он им пообещал.
Пообещал дать все и разве мало дал?
Это их голоса за дверью, звенят мечи, они делят Его мир.
По лицу пробегает судорога.

Судорога.

И это все, на что Он способен?!!

Он, Александр, Повелитель Ойкумены, царь Македонии, протектор Эллады, Царь царей, фараон, Бог!!!

Корчить рожи?!

Обидно.

Память пронесит перед глазами всю жизнь.

Они играют.

Обычные мальчишки, борются на утоптанной земле, и ветераны отца одобрительно хмыкают, глядя, как они рвут друг у друга победу.

Вранье, что участие главное.

Главное — победа.

Македонцы побеждают всегда, но кто победит, если все македонцы?

Сын царя?

Эээ, нет.

Это Филипп — Царь, а сын — это всего лишь сын.

Войско решает, кому править, и ему еще предстоит решать.

Зал.

Нет, не персидский, ставший уже привычным.

Дома, македонский.

Содрали у греков, пригласили и оплатили, дикари с гор прикидываются, будто не могут пить, как прежде, свалившись с лавки.

Отец, пьяный сильнее, чем обычно.

Новая жена, родственники жены.

Мать, ненавидящей тенью мелькнувшая между колонн.

Отец ревет, что-то приказывает ему, тянет руку.

Падает, пьяный, с грохотом опрокидывает ложе.

Он презрительно улыбается, смотрит на лежащего Царя.

Ты хочешь покорить мир, но не можешь стоять на ногах.

«Убью!» — ревет Филлип.

Он выходит, рывком запахнув плащ, кони мчат в стылую македонскую ночь, гремят копыта, ноги сжимают лошадиные бока.

Прочь!!!

Он ненавидит отца.

Отец ненавидит его.
Мать ненавидит всех.
Все ненавидят мать.
Примирились.
Праздник.
Белые хитоны, золотые обручи в волосах.
Рослый мужчина оказывается рядом с царем и бьет мечом
в грудь.
Догнать!!!
Ревет толпа, гетайры бегут за ним, сбивают, валят в пыль.
«Взять живым», — кричит он и первым вонзает меч.
Мечи, мечи.
«Александр мог взять живым убийцу отца, но не взял», —
шепчутся ветераны.
Мать смотрит бездонными черными глазами, и ненависть
плещется на дне.
Фивы.
Восстали, решили, что почувствовали слабинку.
Смерть.
Смерть хороший выход, фиванцы.
Кто не умрет, того забьют в рабские колодки.
Щелкнут кнуты, и греки будут смотреть, как греков, будто
скот, гонят на рынки.
Пали стены Фив, пали дома, пали Фивы, и города больше нет.
Урок Элладе, и она запомнит его навсегда.
Азия.
Как они смеялись, скалились, глядя на берег.
Там слава, там деньги, нет ведь денег, и фаланга жрет их, как
огонь трухлявое бревно.
Персы.
Бесконечный строй, пестрый и дикий, все языки мира.
Лес копий, фаланга печатает шаг, бьют песок сандалии,
и рвутся с фланга фессалийцы Леонтистка.
Парменион ворчит, он бы сделал не так.
Он — Александр, не Парменион, он сделает по-своему.

Азия падает в руки.

Фаланга пьет, звенит бронза доспехов, визжат рабыни, и хохот тонет в ночи.

Гавгамелы.

Безумный рывок к колеснице Дария!

Бешеные глаза навывкате, пена на губах, конь в пене.

Рассеченное плечо, капли крови рассыпаются в прах на ветру, бешеная скачка.

Грохот копыт за спиной, гетайры гонят коней вслед.

Рев фаланги сзади, отчаянные трубы зажатого в тиски, гибнущего Пармениона.

Стена копий впереди.

Пятки лупят конские бока, колени сжимают, Он — Бог Войны, и сам Арес ведет его руку!!!

Дарий!!!

Из-за спины вылетает дротик, возница Дария с хрипом грузно валится вперед, перекидывается через поручни.

Дарий хватает поводья, огромные маслянистые глаза полны ужаса, расшитый халат серый от пыли и мокрый от пота.

Царь царей отказывается от титула прямо здесь, прямо сейчас!

В ту секунду, когда перехватывает поводья и разворачивает коней.

Дарий мчит, спасая жизнь, они вламываются в строй, Бессмертные дорого продают свое бессмертие.

Ладонь на плече.

Бешеный взгляд, рука метнулась к горлу!

«Отец! — хрипит полузадушенный Филота. — Отец!! Парменион погибает!»

Александр воет!

Воет волком отчаяния, разворачивая коня.

Воет волком, он никогда не простит этого ни Пармениону, ни Филоте!

Гетайры мчат, обрушиваются на персидскую пехоту, рвущую в клочья фланг Пармениона!